

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.5>

UDC 930.272

LBC 63.3(2)4

Submitted: 02.02.2026

Accepted: 29.04.2026

VIKTOR YAKOVLEVICH MAUL – HISTORIAN OF POPULAR MOVEMENTS AND PSYCHOLOGY OF MASS PROTESTS IN EARLY MODERN RUSSIA

Nikolai A. Mininkov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. This year marks the 60th anniversary of the birth of V. Ya. Maul, a renowned Russian researcher of the history of mass popular movements and the psychology of their participants. His focus was on the cultural aspect of the Pugachev Rebellion and other mass popular movements. V. Ya. Maul viewed the concept of the Russian rebellion, which is traditional for Russian historical thought, from a fundamentally new perspective as an expression of the culture of Russian society. V. Ya. Maul proposed a fundamentally new method for studying these events, aimed at understanding the person and society that rose up in a rebellion, paying attention to the psychology of the impostors and their followers. As a result of his research on the Chigirin conspiracy of 1877, V. Ya. Maul revealed the fact that the revolutionary intellectuals did not understand the psychology of the people.

Key words: V. Ya. Maul, history and historiography on the Pugachev Rebellion, historical and psychological method, study of imposture, Chigirin conspiracy.

Citation. Mininkov N. A. Viktor Yakovlevich Maul – Historian of Popular Movements and Psychology of Mass Protests in Early Modern Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 47–57. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.5>

УДК 930.272

ББК 63.3(2)4

Дата поступления статьи: 02.02.2026

Дата принятия статьи: 29.04.2026

ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ МАУЛЬ – ИСТОРИК НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ И ПСИХОЛОГИИ МАССОВОГО ПРОТЕСТА В РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Николай Александрович Мининков

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В нынешнем году исполняется шестьдесят лет со дня рождения известного российского исследователя истории массовых народных движений и психологии их участников В. Я. Мауля. В центре внимания его находится культурная составляющая Пугачевского восстания и других массовых народных движений. На традиционное для отечественной исторической мысли представление о русском бунте В. Я. Мауль смотрит с принципиально новой позиции, с точки зрения выражения в подобных явлениях культуры русского общества. В. Я. Мауль предложил принципиально новый метод исследования этих событий, направленный на понимание человека и общества, поднявшегося на восстание, обращая внимание на особенности психологии самозванцев и их последователей. В результате исследования чигиринского заговора 1877 г. В. Я. Мауль выявил факт непонимания народной психологии революционерами-разночинцами.

Ключевые слова: В. Я. Мауль, история и историография Пугачевского восстания, историко-психологический метод, изучение самозванчества, чигиринский заговор.

Цитирование. Мининков Н. А. Виктор Яковлевич Мауль – историк народных движений и психологии массового протеста в России раннего нового времени // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 47–57. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.5>

Введение. В нынешнем году празднует шестидесятилетний юбилей известный российский историк Виктор Яковлевич Мауль, исследователь массовых народных движений и общественной психологии народного протеста в Российской империи от бурных событий начала XVII в. до XIX века. Уроженец Искитима Новосибирской области, он поступил в 1983 г. на исторический факультет Томского университета. Томский истфак еще в советские годы отличался стремлением к научному поиску, в том числе по вопросам современной методологии исследований, социальной психологии, анализа опыта школы Анналов в изучении общественной ментальности средневековья и раннего нового времени, отечественной и зарубежной историографии. После окончания первого курса он был призван в Советскую армию. Демобилизовавшись в 1986 г., он вернулся в университет, и после его окончания был распределен в пединститут Комсомольска-на-Амуре, где вместе с коллегами выступил в качестве основателя исторического факультета.

Обсуждение. По существу, до сих пор общей характеристики научного творчества В.Я. Мауля нет. Но положениям и выводам, содержащимся в его исследованиях, современные историки внимание уделяли. В труде Е.В. Трефилова о Е. Пугачеве подчеркивалось, что, согласно В.Я. Маулю, «пугачевский бунт был своего рода защитной реакцией на проводившуюся в России модернизацию. Его предводитель мечтал “изменить страну, вернуть ее в традиционное русло”» [19, с. 10]. Как отмечал Д.А. Ляпин, в современном исследовании важно выявить и ход событий, и то, как их воспринимали люди изучаемого времени, «только при таком исследовательском ракурсе есть шанс уловить скрытое от потомков глубинное содержание, заложенное ими в свои действия, и ту информацию, которую они хотели донести до современников» [3, с. 45]. Д.В. Сень обоснованно отнес В.Я. Мауля к современным историкам массовых народных движений, у которых «заслуга состоит, прежде всего, в разработке и новаторском осмыслении / верификации моделей протестного поведения повстанцев (представлявших разные движения), проявления народного монархизма, самозванчества, повстанческого насилия;

в типологии самих народных движений; наконец, в переосмыслении феномена русского бунта» [18, с. 236]. В дискуссии по книге К. Ингерфлома «Аз есмь царь. История самозванства в России» между В.Я. Маулем как ее рецензентом и автором данной книги возникло взаимопонимание относительно массовой психологии и образа в ней царя в ходе народных движений в России. По оценке К. Ингерфлома, все «соображения» В.Я. Мауля, относящиеся к сложной и внутренне противоречивой истории самозванства в России и к культурно-психологической стороне русского бунта, «основаны на прочной эрудиции и особой чуткости к методологическим аспектам и теоретическим предпосылкам исторических исследований» [1, с. 77].

Материалы и методы. Материалом исследования являются научные труды В.Я. Мауля и методологические публикации. Они относятся к концу XX в., началу его деятельности, и к первой четверти XXI в., когда он стал признанным специалистом по истории массовых народных движений и психологии их участников. Методология исследования основана на принципе понимания человека и культуры изучаемого времени. Для анализа деятельности историка это означает учет общей культурной ситуации и поисков в области философии и методологии истории, соответствующих новому уровню развития науки, новых целей, ставившихся в научном историческом познании.

Анализ. Работая под руководством доктора исторических наук, профессора А.Г. Жеравиной, В.Я. Мауль сосредоточился на проблемах исторической психологии участников Пугачевского восстания. Такая направленность исследования соответствовала общей тенденции в гуманитарных дисциплинах того времени. Она заключалась в осознании того, что историко-социологическая направленность исследования на базе традиционной исторической науки и позитивизма, не вполне отвечает задаче познания событий и явлений в свете выражения их в индивидуальном и общественном сознании. Эта задача могла быть решена при условии сочетания историко-социологической и историко-культурологической направленности в научном историческом познании, в контексте представления о выражении особенностей культуры общества во вся-

ком событию, явлению и процессе, или о непосредственной связи между социальными отношениями в обществе и его культурой. Кроме того, в условиях антропологического поворота в гуманитарных дисциплинах новейшего времени, понимания того, что объектом научного исторического познания должен быть человек в обществе, подобное направление вызывало значительный интерес и имело перспективу. В исследованиях народного протеста в России и его форм, в обстановке пересмотра воззрений советских историков на традиционную характеристику наиболее крупных выражений этого протеста в качестве крестьянских войн такое направление открывало новое поле исследований этих явлений.

При всей новизне в подходе к изучению народных движений, в том числе Пугачевского восстания, которое оказалось в центре внимания В.Я. Мауля, в его анализе прослеживается глубокое и обоснованное внимание к историографической традиции при ее принципиальном переосмыслении. Это была концепция русского бунта, весьма популярная в историографии. Взгляд на «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» был выражен героем А.С. Пушкина Петрушей Гриневым. Но эта точка зрения, которую почему-то иногда приписывали самому великому поэту и историку, на самом деле очень хорошо подчеркивала сущность воззрений на восстание современников из круга провинциального дворянства, пережившего ужасы «пугачевщины». Но сам А.С. Пушкин хорошо понимал узость и ограниченность такого понимания восстания. Поэтому он не случайно при сборе материала на Урале об этом событии пытался понять людей, вовлеченных в него, проводя беседы с теми из них, кто еще жил и помнил о Пугачеве. Концепцию русского бунта сохраняла государственная школа русской историографии, с объяснением этого явления в свете борьбы темных сил старого общества, к которым относились казаки и старообрядцы, участники массовых народных движений в России XVII–XVIII вв., против государственности и государственного порядка, обеспечивавшего развитие страны.

Отсюда В.Я. Мауль предложил концепцию, согласно которой Пугачевское восстание представляет собой «продукт отечественно-

го культурно-исторического опыта в различных его ипостасях, обусловленных социокультурной ситуацией переходного периода от традиционной эпохи к Новому времени» [11, с. 8]. Вместе с тем В.Я. Мауль дает формулировку по существу нового понимания периодизации восстания и того времени, когда оно произошло, и места, где оно происходило, что соответствовало понятию о необходимости конкретного учета места и времени как особенности исторического познания. Начало такой хронологии он прямо связывает с «усилением натиска культурных инноваций со времени Петра I», когда состояние русского «расколотого общества» стало очевидным даже на уровне внешних признаков культуры его верхов и низов. Конец он определяет тем, что «в Пугачевском восстании традиционная культура исчерпала свой эмоциональный заряд и уже не могла больше активно сопротивляться процессу модернизации, проводимой государственной властью» [11, с. 9]. Конечно, такая периодизация не укладывается в канон событийных периодизаций, поскольку Пугачевское восстание являлось конкретным событием истории екатерининского царствования со своей конкретной хронологией. Но на основе ее выстраивается представление о ситуации в культуре общества, в которой явился Пугачев, был принят народом в качестве самодержавного императора Петра Федоровича и произошло восстание. Она дает представление о динамике развития событий и нарастании непосредственных предпосылок этого восстания в связи с такой основополагающей базовой ценностной категорией народной культуры, как справедливость. Такая периодизация была направлена на понимание характера культуры, одним из выражений которой было Пугачевское восстание.

Однако характер культуры и ее особенности проявляются в действиях сообществ и отдельных людей, и в этой связи возможность ее познания исходит из опоры на соотношение в событиях не только объективных начал, но и их субъективного восприятия. Отсюда В.Я. Мауль обосновывает познавательную стратегию, направленную на понимание человека, общества и культуры. Такая стратегия обосновывалась в методологии истории еще на рубеже XIX–XX вв., когда, однако, не были

ясны конкретные методы проведения ее в конкретных исследованиях. С конца прошлого века наметились два пути в практической реализации данной методологии исторического познания. Первый относился к пониманию той части общества, которая была носителем письменной культуры, такой путь наглядно выражен И.Н. Данилевским в исследовании смыслов в летописном тексте.

Для познания психологии значительного большинства общества, не связанного с письменной культурой, или для его «молчаливого большинства», перспективы открывал иной путь, по которому пошел в исследовании Пугачевского восстания и других народных движений В.Я. Мауль. Метод его исследования заключается в том, чтобы «влезть в душу» повстанцев, попытаться понять внутреннюю мотивацию их насильственных действий» [13, с. 145]. Такой метод весьма напоминает положение методологии А.С. Лаппо-Данилевского с характеристикой психологической интерпретации источников, согласно которому «все понимание чужой душевной жизни предполагает личное переживание и воспроизведение ее, а не только пассивное восприятие ее продуктов» [2, с. 88]. Сложность состояла в неясности, каким образом историку другого времени и другой культуры настроиться на «личное переживание». Для этого, указывает В.Я. Мауль, было необходимо использование методов историко-психологического исследования, с ориентацией на учет умения человека пользоваться «динамической адаптацией», принимать во внимание, по каким причинам в сознании людей утвердилась «подавленная враждебность» к окружающей действительности. Это также учет характерной для человека средневековья и раннего нового времени низкой оценки жизни, сниженный страх его перед смертью, а также характерная для массового сознания подражательность, связанная с эффектом толпы. Предполагалась необходимость особого внимания к проявлениям в ходе изучаемых событий коллективного бессознательного на основе сложившейся системы ценностей и реакций людей на происходящее, устойчивых и мифологических представлений об окружающем мире и об обществе, имевших корни в культуре средневековья, и, наконец, сакрализации в сознании средневе-

кового человека монархической власти и механизмов, на основе которых проявляется харизматик, способный стать во главе движения, а также учета особенности социальной психологии такого общества. На тему комплексного анализа социальной психологии участников массовых народных движений в России XVII–XVIII вв. В.Я. Мауль защитил в 1996 г. в совете при Томском госуниверситете кандидатскую диссертацию [10]. Продолжая свои исследования, В.Я. Мауль защитил в 2005 г. докторскую диссертацию в совете Томского университета.

Вместе с тем В.Я. Мауль в полной мере осознает, что к предпосылкам восстания относилось самозванство как явление, уходившее своими корнями в период за сто лет до Петра I, в Смуту начала XVII века. Оно широко распространилось в этот период российской истории, сохранилось при первых Романовых и было известно также в истории других стран. Его появлению способствовала такая сторона традиционной русской культуры, как народное представление об истинном царе, который незаконно лишен престола и от которого народу следовало ожидать справедливости и защиты. В.Я. Мауль указывает на особенность положения самозванца, которым был Емельян Пугачев, – ему все время, по существу ежедневно, приходилось доказывать обществу свое царское происхождение [13, с. 128]. При этом использовалась доверчивость людей, которым самозванцы рассказывали «истории своего спасения и странствия» [13, с. 129]. То же самое относилось к рассказам о своих намерениях после победы восстания. И сами участники событий, доверившиеся самозванцу как истинному государю, стремились найти аргументацию, обосновавшую свое доверие. В.Я. Мауль ставит принципиально важный вопрос о степени доверия общества, а также людей из ближайшего окружения самозванца и его самого к реальному царскому статусу этой личности. Он обоснованно не соглашается с взглядом на всех самозванцев как на мошенников, обманывавших народ, и полагает, что в их отношении все было значительно сложнее и не все могло объясняться с помощью психологических и этических категорий обмана и доверчивости.

Вообще тема самозванства и самозванчества, традиционная для отечественной историографии со времени князя М.М. Щербатова, всегда вызывала живой интерес. Это не случайно, поскольку в ней с исключительной наглядностью проявляется тема человека в истории, характер общества, выдвигавшего самозванца и принимавшего его за царя. Как справедливо указывает В.Я. Мауль, «феномен самозванчества аккумулировал в себе целый комплекс социально-психологических стереотипов, характерных для доиндустриальных цивилизаций» [13, с. 139]. Одно из направлений в исследовании этой темы, относившееся к психологической характеристике участников народных движений и исторической типологии самозванцев, развивала школа, созданная В.Я. Маулем, к которой принадлежит его ученица Ю.А. Обухова. Она ставит в центр своего внимания самозванцев, бравших на себя царское имя, и указывает на отсутствие особого интереса в историографии к жизненному пути этих весьма своеобразных личностей и выразителей массовой культуры своего времени. Она стремится воссоздать фрагменты их биографий, которые заслуживают самого пристального внимания. В этой связи она критикует представления советской историографии, а отчасти и современных историков, о рациональных основах решения вопроса об истинности самозванца, с позиций которого будто бы могли рассуждать его современники [16, с. 46, 47]. Принимая во внимание метод исследования В.Я. Мауля о социально-психологической сущности вовлечения в массовые движения и доверия к самозванцу, Ю.А. Обухова указывает на необходимость опоры в ходе исследования на такие категории, как «ментальная “картина мира”», «мифологическое отождествление», “суггестия” и “идентификация”, “коды культуры”, “сакральность”, “харизма”, “богоизбранность” и т. д.» [16, с. 49]. С этих позиций возможно было понять причины и характер популярности самозванцев и причины их поддержки разными слоями населения, широкими массами народа, выступившего на стороне Пугачева, или немногими сторонниками. И, таким образом, в центр исследовательского внимания Ю.А. Обухова, пользуясь методом исследования В.Я. Мауля, предлагает ставить не только самих са-

мозванцев, но и отношение к ним в свете психологии и ментальности людей, вовлеченных в движение [16, с. 59].

В исследованиях В.Я. Мауля перед читателем проходит целая галерея исторических образов и сюжетов, связанных с пугачевским восстанием, с другими массовыми народными движениями. К наиболее интересным относится анализ внутренних смыслов казней, которыми при Пугачеве и в ходе других выступлений восставшие подвергали своих противников. Не отказываясь от характеристик историков прежнего времени этих казней как выражения жестокости и варварства, В.Я. Мауль находит в них связь с глубинными основами народной культуры и ментальности участников событий. Вместе с тем он верно обращает внимание на то, что ужасы подобных казней были характерны не только для восставших, но для аналогичных акций, совершавшихся государственной властью, когда сказывалась характерная для восставшего народа «подражательность», и сама власть, таким образом, само дворянство подавали народу своеобразный пример варварства и жестокости [13, с. 173]. Но при этом В.Я. Мауль подчеркивает, что в ходе казней, которые проводили восставшие, «заимствование было не прямым, но “творческим”» [13, с. 169].

Не меньше внимания уделяет В.Я. Мауль такому направлению в истории восстания и в целом истории России эпохи Просвещения, как «биографическая история Пугачевщины». Внимание его привлек один, по его словам, «из романтических героев» Афанасий Соколов, или Хлопуша, за которым было «бурное преступное прошлое» [14, с. 361, 362]. В качестве типичного «человека второго плана» В.Я. Мауль рассматривает видного пугачевца Тимофея Мясникова. При «минимуме данных для досконального воссоздания жизненного пути командира пугачевской гвардии» из яицких казаков он установил некоторые важнейшие стороны его биографии при опоре на анализ его психологии, благодаря чему им реставрируется «картина мира» этого казака, «склад его личности, умонастроения» [12, с. 53–60].

В условиях конца прошлого и начала нынешнего столетия, когда было заметно усиление общественного интереса к истории, а

особенно к наиболее острым ее сторонам, появлялась разнообразная популярная историческая литература. Оригинальный способ ее построения был предложен в 2007 г., когда в сборнике «Архетипы русского бунта XVIII столетия» были соединены произведения выдающихся писателей и поэтов о народных движениях – А.С. Пушкина и М.И. Цветаевой, и историка В.Я. Мауля. Построение сборника было исключительно удачным. В центре внимания авторов находилась тема человека в восстании в контексте художественного и научного осмысления. Анализ архетипов русского бунта, проделанный В.Я. Маулем, очень убедительно дополняет художественные образы великих художников и начинался с указания на противоречивые основы бунта, когда отмечалась необычность подобного явления. В то же время В.Я. Мауль указывает на неслучайность его, поскольку предпосылки вызревали в течение долгого времени, на то, что бунт далеко не просто казус, возникший сам по себе. Он видит в Пугачевском бунте историческое явление, связанное с глубокими социальными причинами и выражавшее основы культуры общества [17, с. 262]. Необычность обстановки, в которой произошел бунт, согласно В.Я. Маулю, вызывала в обществе чувства «тревоги и страха». Это «дополнялось эмоциональным негодованием, и взрывом враждебности из-за ущемления привычного (то есть традиционно – Н. М.) образа жизни». В такой обстановке «реанимировались архаичные культурные архетипы», «находили выход примитивные инстинкты», которые в обычной обстановке подавлялись нормами морали и этики. Кроме того, также бунты выполняли «своеобразную психотерапевтическую функцию», являлись «своего рода катарсисом» [17, с. 263]. В ходе самого бунта, указывает В.Я. Мауль, происходила постоянная смена настроений людей, соответствовавшая основным этапам восстания, в нем проявлялся «весь “букет” эмоциональных ощущений человека». Такие эмоции были непостоянны, страхи сменялись весельем и удовольствием, причем «вершиной эмоционального удовольствия» был пугачевский вариант «игры в царя» [17, с. 264]. Исследование такой «игры» как своеобразного элемента культуры народного восстания за последнее время получило свое продолжение в труде Д.А. Ля-

пина [4]. Объяснение событий, данное В.Я. Маулем, делало понятным для массового читателя поведение массы людей, решившихся на восстание.

Разносторонняя направленность исследования массовых народных движений В.Я. Маулем, прежде всего Пугачевского восстания, в наибольшей степени выразившим, по его оценке, самую суть русского бунта как социокультурного явления, предполагает возможность дальнейших исследований их истории и историографии. Представляется, что совершенно прав Д.В. Сень, когда указывал, что тема такого крупнейшего народного движения, как Разинского, не закрыта [18, с. 253], то же самое можно сказать и о других массовых народных движениях, особенно о Пугачевском как самого большого народного восстания при Екатерине II.

В творчестве В.Я. Мауля содержатся сведения о некоторых мало известных и неизвестных ранее сторонах пугачевской историографии. В частности, это относилось к Д.Г. Анучину, одному из «незаслуженно забытых историков Пугачевского бунта» [6, с. 77]. Интерес к труду Д.Г. Анучина, согласно В.Я. Маулю, в отражении в нем большого фактического материала, в выводе о крепостном праве как о важнейшей причине восстания, а также о том, что после подавления бунта крепостное право вступило в новую стадию своего существования, длившуюся почти столетие [6, с. 79].

Тема народного движения, его психологии и самозванчества не только за XVII–XVIII вв., но и в пореформенный период также находится в центре внимания В.Я. Мауля. Одному из значимых эпизодов этого движения, чигиринскому заговору, проходившему в Чигиринском уезде Киевской губернии 1877 г., он посвятил ряд статей. Внимание его к этой теме было не случайно. Как обращает внимание В.Я. Мауль, характерные черты массовой психологии крестьянства хорошо понимали в народнической среде. Это предопределило попытку народников Я.В. Стефановича, Л.Г. Дейча и И.В. Бохановского, входивших в кружок «Южных бунтарей», использовать эти черты, и с помощью подложных документов поднять крестьянское восстание. В.Я. Мауль при этом, наряду с И.Л. Андрее-

вым, отмечает, что характерное для советской историографии положение о наивном монархизме крестьян не раскрывает всей полноты и особенностей крестьянского сознания, является упрощением, и указывает на возможность говорить о крестьянах как «об убежденных традиционалистах и православных монархистах». Тем не менее В.Я. Мауль не отрицает «народный монархизм» и указывал на противопоставление в массовом сознании царя дворянам и чиновникам, на «святость его власти», полученной от бога, и на роль его как крестьянского союзника и защитника. И отсюда он говорит о «ключевой роли монархической идеи в народном протесте». Вместе с тем В.Я. Мауль подчеркивает, что народники ожидали возможность использовать «культурную преемственность» украинских крестьян из этих мест, помнивших об отдаленном прошлом, «о Гайдаматчине и Запорожской вольнице». Но также он указывает на несомненное наличие социально-экономических предпосылок крестьянского недовольства, без которых дело «Южных бунтарей» не имело шансов на успех [15, с. 223–226].

В связи с чигиринским заговором В.Я. Мауль обращает внимание на еще одну существенную проблему, относящуюся к возможности понимания и взаимодействия разных культур, в данном случае культуры и психологии народа, под которым имелось в виду крестьянство, и культуры разночинной интеллигенции. В советской историографии господствовало положение В.И. Ленина, что «страшно далеки ... от народа» были декабристы, тогда как революционеры-разночинцы были к народу несравненно ближе. Как показывал В.Я. Мауль, разночинцы были не ближе, несмотря даже на знание народной жизни. Все это, показывает он, проявилось в попытке Стефановича, Дейча и Бохановского поднять крестьян на восстание. Оказалось, писал В.Я. Мауль, что народ эти революционеры понимали не вполне. Это проявилось в самом выборе их для себя имен, когда народ ожидал, что у «царевых посланников» должны быть имена не какого-то Найды, но знатных лиц из хорошо известных в русской истории фамилий, явно неубедительный для крестьян их внешний вид, само принесение присяги «не в церкви, а тайно», что воспринималось в со-

знании крестьян не иначе как «кошунственные нарушения, казалось бы, вечного и нерушимого ритуала». Все это привело к провалу «так лихо начавшейся затеи» и в результате произошло «разоблачение» революционеров. В итоге чигиринского заговора, по словам В.Я. Мауля, с исключительной наглядностью проявилась «очередная констатация культурной пропасти между “верхами” и “низами”» общества, которая имела место и при С. Разине и Е. Пугачеве, и в России второй половины XIX в. [17, с. 230–237].

В полной мере осознавая историчность концепции русского бунта для русского средневековья и раннего нового времени, В.Я. Мауль не мог пройти мимо повышенного общественного интереса к вопросу о возможности повторения бунта в России новейшего времени, которая сохраняется до наших дней и которая, как он считает, имеет важность и научную актуальность. Как он отмечает, черты русского бунта проявились в новейшей истории России с 1917 г., когда произошло «появление Пугачева с университетским образованием», и когда он смог «довести бунт до победы, а перед Европой закамуфлировать суть происходящего привычными для европейского слуха понятиями». Он указывает, что «Октябрьская революция явилась первым в истории победившим бунтом». Обращаясь к современной ситуации, В.Я. Мауль замечает, что «современные мироощущение и мировосприятие людей сохраняют явственные слепки своего родового прошлого», а «Переходное состояние общества нередко пробуждает к жизни “демонические” силы традиционализма, использующие бунт в качестве защитного механизма». На вопрос о возможности повторения такого явления он прямо отвечает, что нечто подобное «очень может быть» [17, с. 270–272]. Уже позже, в своей рецензии на упомянутую книгу Г.С. Ингерфлова по истории самозванства в России, В.Я. Мауль указывает, что «книга эта – вовсе не о прошлой, а о современной России, и что история самозванства – «убедительный аргумент, что и сегодня прошлое живет в нас, обуславливая стереотипные общественные реакции и поведенческую активность власти» [8, с. 164], говоря тем самым об устойчивости и живучести психологических стереотипов, переходящих из

поколения в поколение и готовых проявиться в самых неожиданных ситуациях.

В соответствии с культурно-антропологической направленностью исторической науки новейшего времени В.Я. Мауль указывает на необходимость такого исследования вопросов истории массовых народных движений, которое дает возможность более полного и конкретного выявления состояния человека в необычных, резко отличающихся от повседневной рутины условиях. Он отмечает, что «человек бунтующий» как общий «идеальный тип» культуры разного времени и как проблема философско-исторического познания, которая выделяется на уровне историософии, конкретизируется в историческом исследовании, ставя в центр своего внимания выявление реальных проявлений личности в подобных событиях, с учетом привязанности человека к месту и времени, к условиям своего существования [5, с. 185].

Заметно в этой связи, что философским и теоретическим вопросам В.Я. Мауль уделяет пристальное внимание. Это касается такого важного для историка, занимающегося конкретной исторической проблематикой вопроса философии истории, как соотношение категорий закономерного и случайного. Он не принимает популярного среди ряда историков взгляда на историю как на совокупность казусов, идеи замены каузального казуальным. Но в то же время подчеркивает, что «закономерность не должна отождествляться с судьбой (или роком), она имеет свои пределы». Она «в существенной степени» зависит «от деятельности субъективного фактора, который во многом решает, быть или не быть этой закономерности» [7, с. 2, 3]. Такой взвешенный подход к сложному вопросу философии истории, который предлагает В.Я. Мауль, может оказать помощь историку при построении объяснительной модели сложных социокультурных процессов.

В нынешних условиях, считал и считает В.Я. Мауль, общество особенно нуждается в научных исторических знаниях и в понимании истории их развития, которые способны давать историческое образование, хотя и не всегда осознает это. Отсюда большое внимание к учебно-методической работе, которая тесно связана с его научными исследованиями. Еще

в 1999 г. им был издан курс лекций по историографии отечественной истории до начала XX века. В структуре курса правомерно было отведено место общей характеристике понятия об историографии, о месте ее в научном историческом познании, об этапах ее развития и историографических стереотипах, об особенностях состояния исторической науки новейшего времени. Особо была подчеркнута роль устного творчества в народном осмыслении истории, со своеобразными оценками событий и явлений. Было обращено внимание на первые учебники по истории, которыми В.Я. Мауль называет «Историю» Ф. Грибоедова и «Синописис», на становление основ исторической науки в России XVIII в., на особенности и значение для отечественной исторической науки трудов князя М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, А.Л. Шлецера, Н.М. Карамзина. К основным направлениям отечественной историографии в XIX – начале XX в. В.Я. Мауль отнес скептическую школу, официально-охранительное направление, государственно-юридическую школу и петербургскую школу, обращая тем самым внимание современного историка на развитие исторической науки в России как на сложный процесс, развивавшийся в ходе борьбы научных идей. В лекционном курсе в полной мере проявилось методическое мастерство автора, умевшего краткими штрихами выделить самую суть историографического явления [9].

Но если курс лекций по историографии был написан для историков, то для студентов неисторических специальностей несколько позже, в 2010 г., В.Я. Мауль подготовил курс «Основы исторических знаний», который призван был дать представление об истории как о науке и о характере исследовательской работы историка. Вместе с тем по своему уровню это учебное пособие вполне подходит и для исторических факультетов и отделений как дополнительная литература. В пособии привлекает краткое и обстоятельное освещение вопросов философии и методологии истории, источниковедения, а также важнейших этапов и направлений в развитии исторической науки. Обращено внимание на принципы научного исторического исследования. Также освещен еще один вопрос, вызывающий интерес, который относится к значению исторического опы-

та в жизни общества, в роли исторических знаний для обоснования разных идеологий, для удовлетворения определенных политических интересов.

Результаты. Таким образом, исследования В.Я. Мауля подняли большую тему массовых народных движений на новый уровень. Сам по себе выбор в этой связи Пугачевского восстания и образов его участников был не случаен, поскольку в этом исключительно масштабном событии в концентрированном виде проявились характерные черты повстанческой психологии. Анализ чигиринского дела давал ему возможность наглядно показать устойчивость народной психологии, характерной для традиционного общества, продолжавшей свое существование в условиях буржуазных реформ. Новый уровень

исследования В.Я. Мауля был обусловлен уходом от узкого социологизма, он связывал процессы, происходившие в массовых народных движениях, непосредственно с психологией, системой ценностей и ментальностью их участников. Труды В.Я. Мауля находятся в русле «понимающей» модели исторического исследования, которая стала популярна в отечественной исторической науке с конца прошлого века. Особенность подхода В.Я. Мауля в том, что его анализ относится к носителям бесписьменной культуры, или народного «молчаливого большинства». В этом вклад известного современного ученого в современную историческую науку, в гуманитарное познание в целом. Находящемуся в расцвете своих сил В.Я. Маулю – продолжения своей плодотворной и важной для исторической науки работы!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ингерфлом К. С. Приближаясь к «истине» будто к горизонту: Благодарный ответ на критику историка Виктора Мауля // Новый исторический вестник. 2022. № 1 (71). С. 77–86.
2. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. В 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2010. 632 с.
3. Ляпин Д. А. Время праздника: об особенностях поведения участников народных волнений в российской провинции летом 1648 г. // Tractus Aevorum. 2019. Т. 6, № 1. С. 42–55.
4. Ляпин Д. А. Игра в царя: социально-политическая борьба в России во второй половине XVII века. СПб.: Центр гуманит. инициатив, 2022. 284 с.
5. Мауль В. Я. Бунт или не бунт и другие вопросы изучения темы (размышления о народных движениях XVII–XVIII вв.) // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 2. С. 180–189.
6. Мауль В. Я. Д.Г. Анучин – историк Пугачевского бунта // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 105-летию со дня рождения выдающегося российского ученого). Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2024. С. 77–87.
7. Мауль В. Я. Закономерность и случайность в истории в историографическом контексте // Гуманитарный вестник. 2014. Вып. 3. С. 1–11.
8. Мауль В. Я. «Иже ся богу ровняли»: размышления по поводу книги Клаудио Ингерфлома «Аз есмь царь. История самозванства в России» // Новый исторический вестник. 2021. № 4 (70). С. 152–174.
9. Мауль В. Я. Историография отечественной истории с древнейших времен до начала XX века (курс лекций для студентов ист. фак.). Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсом.-на-Амуре пед. ин-та, 1999. 120 с.
10. Мауль В. Я. Социальная психология участников народных движений в России XVII–XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1996. 15 с.
11. Мауль В. Я. Социокультурное пространство русского бунта (по материалам Пугачевского восстания): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. 22 с.
12. Мауль В. Я. Тимофей Мясников – пугачевский атаман: опыт историко-психологической реконструкции // Уральский исторический вестник. 2012. № 3. С. 53–60.
13. Мауль В. Я. Харизма и бунт. Психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. 217 с.
14. Мауль В. Я. «Хлопуша, самый бедный человек» (штрихи биографии пугачевского атамана) // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого). Ростов н/Д: Изд-во ФНО, 2014. С. 361–366.
15. Мауль В. Я. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5, № 1. С. 221–240.
16. Обухова Ю. А. Феномен монархических самозванцев в контексте российской истории (по материалам XVIII столетия). Томск: ТИУ, 2016. 266 с.

17. Русский бунт: сб. ист.-лит. произв. М.: Дрофа, 2007. 446 с.
18. Сень Д. В. Народное движение под предводительством С.Т. Разина в историографии середины 1990-х – 2000-х гг. (Новый этап изучения или «тема закрыта»?) // Историческая экспертиза. 2021. № 3 (28). С. 232–263.
19. Трефилов Е. В. Пугачев. М.: Молодая гвардия, 2015. 400 с.

REFERENCES

1. Ingerflom K.S. Priblizhajas k «istine» budto k gorizontu: Blagodarny otvet na kritiku istorika Viktora Maulja [Approaching “Truth” as if It Were a Horizon: A Grateful Response to the Criticism of Historian Victor Maul]. *Novyj istoricheskij vestnik*, 2022, no. 1 (77), pp. 77-86.
2. Lappo-Danilevsky A.S. *Metodologija istorii. V 2 t. T. 2* [Methodology of History. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, ROSSPEN, 2010. 632 p.
3. Ljapin D.A. Vremja prazdnika: ob osobennostjakh povedenija uchastnikov narodnykh volnenij v rossijskoj provincii letom 1648 g. [Holiday Time: About the Behavior of Participants in the Popular Uprisings in the Russian Provinces in the Summer of 1648]. *Tractus Aevorum*, 2019, vol. 6, no. 1, pp. 42-55.
4. Ljapin D.A. *Igra v carja: socialno-politicheskaja borba v Rossii vo vtoroj polovine XVII veka* [The Game of the Tsar: Social and Political Struggles in Russia in the Second Half of the 17th Century]. Saint Petersburg, Centr gumanit. iniciativ, 2022. 284 p.
5. Maul V.Ya. Bunt ili ne bunt i drugije voprosy izuchenija temy (razmyshlenija o narodnykh dvizhenijakh XVII–XVIII vv. [A Riot or Not a Riot and other Questions About Studying the Topic]. *Novoje proshloje* [The New Past], 2021, no. 2, pp. 180-189.
6. Maul V.Ya. D.G. Anuchin – istoric Pugachovskogo bunta [D.G. Anuchin – The Historian of the Pugachov Rebellion]. *Nauchnoje nasledije professora A.P. Pronstejna i actualnyje problemy istoricheskoy nauki (k 105-letiju so dnja rozdenija vydajushchegosja rossijskogo uchenogo)* [The Scientific Legacy of Professor A.P. Pronstein and Current problems of Historical Science (On the 105th Anniversary of the Birth of the Outstanding Russian Scientist)]. Rostov-on-Don; Taganrog, Izd-vo JuFU, 2024, pp. 77-87.
7. Maul V.Ya. Zakonomernost i sluchainost v istorii v istoriograficheskom kontekste [Regularity and Chance in History in the Historiographical Context]. *Gumanitarnyj vestnik* [Humanitarian Bulletin], 2014, iss. 3, pp. 1-11.
8. Maul V.Ya. «Izhe sja bogu rovnjali»: razmyshlenija po povodu knigi Klaudio Ingerfloma «Az jesm tsar: Istorija samosvanstva v Rossii» [“Izhe sja bogu rovnjali”: Reflections of Claudio Ingerflom’s Book “I Am the Tsar: The History of Imposture in Russia”]. *Novyj istoricheskij vestnik*, 2021, no. 4 (70), pp. 152-174.
9. Maul V.Ya. *Istoriografija otechestvennoj istorii s drevneishikh vremen do nachala XX veka (kurs lekcij dlja studentov ist. fak.)* [Historiography of Russian History from Ancient Times to the Beginning of the 20th Century (A Course of Lectures for Students of Historical Faculties)]. Komsomolsk-on-Amur, Izd-vo Koms.-na-Amure ped. in-ta, 1999. 120 p.
10. Maul V.Ya. *Socialnaja psikhologija uchastnikov narodnykh dvizhenij v Rossii XVII–XVIII vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Social Psychology of Participants in Popular Movements in Russia of the 17th – 18th Centuries. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Tomsk, 1996. 15 p.
11. Maul V.Ya. *Sociokulturnoje prostranstvo russkogo bunta (po materialam Pugachevskogo vosstanija): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Sociocultural Space of the Russian Riot (Based on the Materials of the Pugachev Uprising). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Tomsk, 2005. 22 p.
12. Maul V.Ya. Timofej Mjasnikov – pugachovskii ataman: opyt istoriko-psikhologicheskoy rekonstrukcii [Timofej Mjasnikov – The Pugachev Ataman: An Attempt at Historical and Psychological Reconstruction]. *Uralskij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Vestnik], 2012, no. 3, pp. 53-60.
13. Maul V.Ya. *Kharizma i bunt. Psikhologicheskaja priroda narodnykh dvizhenij v Rossii XVII–XVIII vekov* [Charisma and Rebellion. The Psychological Nature of Popular Movements in Russia in 17th – 18th Centuries]. Tomsk, Izd-vo TGU, 2003. 217 p.
14. Maul V.Ya. «Khlopusha, samyj bednyj chelovek» (shtrikhi biografii pugachevskogo atamana) [“Khlopusha, the Poorest Man” (Touches of the Biography of the Pugachev’s Ataman)]. *Nauchnoje nasledije professora A.P. Pronstejna i actualnyje problemy istoricheskoy nauki (k 95-letiju so dnja rozhdenija vydajushchegosja rossijskogo uchenogo)* [The Scientific Legacy of Professor A.P. Pronstein and Current Problems of Historical Science (On the 95th Anniversary of the Birth of the Outstanding Russian Scientist)]. Rostov-on-Don, Izd-vo FNO, 2014, pp. 361-366.
15. Maul V.Ya. «Chigirinskij zagovor» i krestjanskaja psihologija [“The Chigirinsky Conspiracy” and Peasant Psychology]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 221-240.
16. Obukhova Ju.A. *Fenomen monarkhicheskikh samozvancev v kontekste rossijskoj istorii (po materialam XVIII stoletija)* [The Phenomenon of Monarchical Pretenders in the Context of Russian History]. Tomsk, TIU, 2016. 266 p.

17. *Russkij bunt: sb. ist.-lit. proizv.* [Russian Rebellion. Collection of Historical-Literary Works]. Moscow, Drofa Publ., 2007. 446 p.
18. Sen D.V. Narodnoje dvizhenije pod predvoditelstvom S.T. Razina v istoriografii serediny 1990-kh – 2000-kh gg. (Novyj etap izuchenija ili «tema zakryta»?) [The Popular Movement Led by S.T. Razin in the Historiography of the Mid-1990s – 2000s (A New Stage of Study or “The Topic Is Closed”?)]. *Istoricheskaja ekspertiza* [Historical Expertise], 2021, no. 3 (28), pp. 232-263.
19. Trefilov E.V. *Pugachev*. Moscow, Molodaja gvardia Publ., 2015. 400 p.

Information About the Author

Nikolai A. Mininkov, Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Pushkinskaja St, 160, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, namininkov@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2390-4208>

Информация об авторе

Николай Александрович Мининков, доктор исторических наук, профессор института истории и международных отношений, Южный федеральный университет, ул. Пушкинская, 160, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, namininkov@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2390-4208>